

Научная статья

УДК 81'373

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-179-194>

ФУНКЦИОНАЛ МЕСТОИМЕННОЙ НЕГАЦИИ В РУССКОЙ ПАРЕМИКЕ

**Людмила Борисовна
Савенкова**

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия, savenkova@sfedu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2637-679X>

Аннотация. В кругу маркеров семантики обобщенности ученые выделяют отрицательные местоимения. В русском паремиологическом пространстве обнаруживается немногим менее 400 пословиц и поговорок с местоимениями *никто*, *некого*, *ничто*, *нечего*, *никакой*. В статье ставится вопрос о функционале прономинальной негации в изречениях потенциально-дидактической направленности; дается общий обзор активности использования отдельных отрицательных местоимений в составе паремий. Основное внимание уделяется анализу единиц с местоимением *никто*: рассматриваются особенности его семантики и возможности функционирования в ролях семантического субъекта и семантического объекта предложения (выявляется, что позиция субъекта оказывается для него в два раза более частотной, чем роль объекта), при этом сочетаемость местоимения *никто* с предикатом указывает на преобладание у предложенческой семантики опоры на событийную пропозицию, а предикативные части, воплощающие логическую пропозицию, обнаруживаются намного реже. Анализ демонстрирует, что за счет местоимения *никто* паремии описывают либо равноценную невозможность реализации ситуации, достижения цели и т. п. для любого индивида (*никто* – это вообще ни один человек), либо противопоставленность одного лица остальным членам социума или малой социальной группы (*никто* – это ни один человек из числа потенциально способных взаимодействовать с индивидом). В большинстве случаев местоимение *никто* реализует частное отрицание, усиливая общее, которое передается предикатом с частицей или приставкой *не*. Однако есть и конструкции, в которых неполнота предложения не позволяет эксплицировать общее отрицание через предикат (тогда эту функцию дополнительно берет на себя местоимение). В единичных случаях в паремиологическом пространстве сохраняются полные предложения с общим отрицанием, которое реализуется предикатом без отрицания.

Ключевые слова: паремия, пословица, структура, семантический субъект, семантический объект, негация, отрицательное местоимение, пустое множество, сочетаемость.

Благодарности: автор благодарит профессора кафедры русского языка Южного федерального университета Н. В. Изотову за ценные рекомендации по характеристике грамматической структуры исследуемых в статье паремий.

Для цитирования: Савенкова Л. Б. Функционал местоименной негации в русской паремике // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 179–194. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-179-194>.

Сведения об авторе: Л. Б. Савенкова – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Южный федеральный университет, 344006, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93.

Scientific Article

UDC 81'373

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-179-194>

THE RANGE OF FUNCTIONS OF PRONOMINAL NEGATION IN RUSSIAN PAREMICS

Lyudmila B. Savenkova

Southern Federal University

Rostov-on-Don, Russia, savenkova@sfedu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2637-679X>

Abstract. Among the semantic markers of generality, scholars distinguish negative pronouns. In Russian paremiological space there are about 400 proverbs and sayings with pronouns *nobody*, *nothing*, *nothing* (*никто, некого, ничто, нечего, никакой*). The article investigates the range of functions of pronominal negation in potentially didactic sayings, and offers a general overview of different use of negative pronouns as parts of paremias. The author focuses on the analysis of units with the pronoun *nobody*. The peculiarities of its semantics and possibilities of functioning in the roles of semantic subject and semantic object of the sentence are considered. It is revealed that the subject position is twice as frequent as the object role. At the same time, the combination of the pronoun *nobody* with the predicate indicates the predominance of the propositional semantics of the reliance on the event proposition, while predicative parts embodying the logical proposition are found much less frequently. The analysis demonstrates that due to the pronoun *nobody*, paremias describe either the equivalent impossibility of any proceeding, achieving a goal, etc. for any individual (*nobody* in general), or the opposition of an individual to the rest of the society or a small group (*nobody* is any person from among those potentially able to interact with an individual). In most cases, the pronoun *nobody* implements a particular negation, reinforcing the general one, which is conveyed by a predicate with a particle or prefix. However, there are also constructions in which the incompleteness of the sentence does not allow explication of the general negation through the predicate (then the pronoun additionally takes over this function). In isolated cases in paremiological space, complete sentences with a general negation expressed through a non-negative predicate are used.

Keywords: paremia, saying, structure, semantic subject, semantic object, negation, negative pronoun, empty set, compatibility.

Acknowledgement: the author thanks N. V. Izotova for valuable recommendations on the characteristics of the grammatical structure of the paremias under investigation.

For citation: Savenkova, LB 2023, 'The Range of Functions of Pronominal Negation in Russian Paremics', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 179–194, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-179-194> (in Russ.)

Information about the Author: *Lyudmila B. Savenkova* – Professor, Doctor of Science (Philology), Professor of the Russian Language Department, Southern Federal University, 93, Universitetskiy lane, Rostov-on-Don, 344006, Russia.

© Savenkova L. B., 2023

Введение

Размышляя вслед за филологами XIX столетия И. М. Снегиревым [20, с. IX–XIV], В. И. Далем [8, т. 1, с. 13], Ф. И. Буслаевым [6, с. 79–95], А. А. Потебней [16, с. 98–100] о пословицах как ядерном типе паремий, то есть составных языковых знаках со структурой предложения, призванных прямо или косвенно выполнять дидактическую функцию (см., например, [18, с. 67; 5, с. 12–13; 3, с. 69; 19, с. 20–21; 14, с. 10; 1, с. 171–173] и др.), ученые чаще всего справедливо сосредоточивают внимание на том, какие ценности народное сознание выдвигает на первый план, что стремится подчеркнуть как достойное, что – как осуждаемое. Известно, что в паремиях не проявляется единства мнений, в них порой выражаются противоположные взгляды на одну и ту же сущность или хотя бы находится аргументация неодинаковых предпочтений, ср.: *Держи копеечку, чтоб не укатилась* и *На деньгу оброти не накинешь; От огня и вода ключом бьет* и *Огнем вода ключом кипит, а водою и огонь заливают; Одна голова не бедна, а и бедна, да одна и Холостой – полчеловека* и др. Тем не менее в большинстве своем паремии утверждают либо рекомендуют, советуют нечто как признаваемое значимым для всех. В части таких изречений для этого используются эксплицитные лексические маркеры всеобщности типа *все, всякий, каждый, всё, всегда*, ср.: **Все** бобры добры до своих бобрят; **Всяк** сверчок знай свой шесток; *Сколько волка ни корми, он всё в лес глядит; На обеде все соседи; а пришла беда, они прочь, как вода; Каждая* река своим устьем в море впала; *В поле пшеница годом родится, а добрый человек всегда пригодится* и т. п. Однако, наряду с подобными словами, своеобразными маркерами всеобщности выступают и слова, заключающие в себе мысль о негации, – отрицательные местоимения и местоименные наречия. На то, что в семантике таких единиц с частицей *ни* заключено именно значение обобщения, указывает В. В. Виноградов: «Употребляемая в качестве привеска к относительным местоименным словам частица *ни* является лишь омонимом отрицательно-усилительной частицы *ни*. Она придает обобщающее значение соответствующим местоимениям: *какой – ни, где – ни, кто – ни, куда – ни, откуда – ни* и т. п.» [7, с. 525]. Однако идею обобщения они все же сочетают с маркировкой пустого множества. По сути, можно было бы сказать, что никто – это отсутствующие все, а ничто – отсутствующее всё. Именно это позволяет А. М. Червоному демонстрировать подобную обобщенность значения у отрицательного местоимения *никто* путем идентификации высказываний с ним и высказываний с определительным местоимением *все*, ср.: «:1) **Никто** не хочет войны, т. е. все хотят мира. 2) **Никто** никого не нагибает и не нагнет (А. Лукашенко), т. е. все равноправны и находятся в равных условиях» [21, с. 438].

По сути, квалифицируемые русской грамматикой как отрицательные, местоимения с *ни-*, как и местоимения с *не-*, указывают на наличие частного отрицания в высказывании, отсылая к семантическому субъекту или объекту (в понимании этих сущностей исследование опирается на статьи Е. М. Лазуткиной из энциклопедии «Русский язык» [11, с. 411–412, 752–754]), атрибуту и т. д., а местоимение *ничего* даже способно трансформироваться в слово категории состояния и выступать в роли предиката – маркера общего отрицания, ср.: «**НЕЧЕГО**, в *функц. сказ. (с инф.)*. Разг. Не приходится, не следует; не полагается. *На работе спать нечего*. <...> Не надо, незачем <...> *Ничего стоять под дождем*» [10, с. 648]. В целом отрицание, реализуемое местоимениями, оказывается усиливающим обобщающую семантику паремий и позволяет выявить акцентуацию народного сознания на тех аспектах типовых ситуаций отсутствия, невозможности, неспособности и т. п., которые ему видятся наиболее существенными в жизни людей. Между тем, насколько известно, до настоящего времени не предпринималось специальных исследований, посвященных уточнению функционала прономинальной негации в русской паремике.

В соответствии со сказанным в настоящем сообщении объектом исследования выступают паремии, в состав которых включены местоимения *никто*, *ничто*, *некого*, *нечего*, *никакой*, а предметом являются особенности местоименной семантики негации в структуре пословиц и поговорок.

Цель исследования – на фоне обзора отрицательных местоимений, входящих в русские паремии, оценить потенциал одного из них (*никто*) в трансляции семантики обобщения через отображение пустых множеств при характеристике взаимосвязей индивида и социума.

Задачи исследования заключаются в определении степени активности разных отрицательных местоимений в образовании русских пословиц и поговорок, их роли в создании общего смысла изречения, в выявлении особенностей пустых множеств, на которых фокусируется внимание в паремиях благодаря использованию местоимения *никто*, а также синтагматических условий его реализации в их составе.

Материал и методы

Материал исследования составила выборка пословиц и поговорок (отметим, что в интерпретации автора исследования поговорки отличаются от пословиц отсутствием переносного смысла высказывания, см. об этом в вышеупомянутой монографии [18, с. 67], а также в [17, с. 444–445]) из сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» [7] общим объемом в 378 единиц (без учета вариантов). Условием включения в выборку было наличие в составе паремии отрицательного местоимения.

Основные методы исследования, представляющиеся наиболее рациональными для решения его задач, – методы семантического, контекстуального, синтагматического, структурно-синтаксического анализа.

Обсуждение результатов

Если обратить внимание на степень интенсивности участия каждого из пяти вышеперечисленных местоимений в процессе образования паремий, то можно увидеть, что численный перевес сохраняют за собой местоимения с семантикой неодушевленности. Суммарно на них приходится 234 единицы: наиболее часто используется местоимение *ничто* (129 паремий), несколько реже в составе пословиц и поговорок встречается местоимение *нечего* (105). На местоимения с семантикой одушевленности приходится немногим более одной трети общего числа единиц: *никто* фигурирует в составе 116 паремий, *некого* – лишь в 23.

Из сделанных подсчетов видно, что приоритетное внимание отдается отсутствию чего-то в отдельных предметных сферах. В меньшей мере народный взгляд направлен на отсутствие хотя бы одного человека, отвечающего определенным требованиям или параметрам, формулируемым паремией. Атрибутивное местоимение *никакой* почти не участвует в паремийной деривации: в сборнике пословиц В. И. Даля обнаружилось всего пять пословиц с ним. Думается, такое распределение лексических маркеров местоименной негации вполне отвечает принципу антропоцентризма. Поскольку пословицы и поговорки в совокупности своей призваны служить «сводом народной опытной премудрости» [8, т. 1, с. 13] (правда, стоит заметить, что В. И. Даль не все эти изречения считает безоговорочно заслуживающими восприятия как руководства к действию, поскольку к *премудрости* добавляет: *и суемудрия*), постольку можно представить себе, что этим *сводом* должен оперировать некий усредненный носитель русской лингвокультуры, который оценивает условия и обстоятельства своего существования в природном и культурном мире, а также особенности взаимодействия с другими такими же людьми или иными существами и соответственно осмысляет оптимальный выбор линии поведения. Имеет смысл выявить, какие именно сущности, маркируемые отрицательными местоимениями, рассматриваются в пословицах и поговорках и какую семантико-синтаксическую позицию

занимают данные местоимения в структуре паремии. Это позволит понять, что в русских паремиях предстает как набор пустых множеств, обнаруживаемых в значимых для народа ситуациях и отношениях.

В соответствии с особенностями морфемного состава исследуемые местоимения включаются в предложения двух типов.

Местоимения с приставкой *ни* (*никто*, *ничто*, *никакой*), как правило, обнаруживаются в составе грамматических конструкций (простых предложений или предикативных частей сложных предложений), передающих мысль о полном отрицании (предикат выражен словом *нет* в бытийно-безличном значении, «в котором семантика “бытия”, сближается с семантикой “имения”, то есть обладания» [2, с. 8], или в составе конструкции есть частица *не* либо приставка *не-*), ср.: *Ни подо мной, ни надо мной **никого нет*** [8, т. 1, с. 168]; *Горе наше – ржаная / гречневая каша, а поел бы и такой, да **нет никакой*** [8, т. 1, с. 63]; ***Никто** того **не** ведает, как бедный обедает* [8, т. 1, с. 69]; *Солнышко садится, а в мошне **ничего не** шевелится* [8, т. 1, с. 63]; *Пьет пиво да мед, **ничто** его **неймет*** [8, т. 1, с. 72]. Исключения единичны и обусловлены либо неполнотой предложения (ср.: *Бог по нас, **никто** же на нас* [8, т. 1, с. 23]; *В одной руке пусто, в другой **ничего*** [8, т. 1, с. 66]), либо наличием предиката, выраженного словом без эксплицированного отрицания, но синонимичным таковому (ср.: ***Ничто** **нипочем**: был бы Ерофеич с калачом* [8, т. 2, с. 243], то есть ***ничто не пугает, не беспокоит***), либо сочетаемостью, которая не свойственна современному русскому языку, однако была известна и древне-, и старорусскому языку: *Упрямый умрет – **никто** его **уймет*** [8, т. 1, с. 161]; *Богатый врет – **никто** его **уймет*** [8, т. 1, с. 59], ср. примеры аналогичных конструкций в текстах из исторических корпусов «Национального корпуса русского языка» [15]: *И тии еще стыдящися от своего воеводы акы при пльку и срамляющися, **никтоже възложи руки** на него* (История Иудейской войны Иосифа Флавия, XI–XIII вв.); ***Никто же может видети**, ни, не оперивъ стрелы, прямо не стрелити, ни льностию чести добыти* (Моление Даниила Заточника (XII–XIII вв.); *А о сем, чаю, и вы не не весте, еже от Бога **никто, никамо укрытися может*** (И. Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему..., 1718–1725); *Воистину, царю, впадеши в раскаяние, и **никто** тебь **помощник будеть*** (Повесть о королевиче Валтасаре, конец XVII – начало XVIII в.) и др.

Местоимения с приставкой *не-* (*ничего*, *некого*) в составе паремий сами по себе выступают основными носителями семантики негации. Такие пословицы и поговорки имеют структуру инфинитивно-безличных предложений [12, с. 20], в которых, по наблюдениям Н. Ю. Шведовой (к которым и апеллирует П. А. Лекант), выступает как «главный член – инфинитив в обязательном сочетании с отрицательным местоимением или наречием» [22, с. 72], причем П. А. Лекант подчеркивает, что данная разновидность односоставных предложений в целом тяготеет к тому, чтобы главный член в них указывал на настоящее время – «с оттенками обобщённости, постоянства, с усилением категоричности модального значения» [12, с. 20]. Естественно, это способствует использованию конструкции для передачи паремийных смыслов, ср.: *Все ну, да ну, а тпрукнуть-то и **некому*** [8, т. 1, с. 177]; *Брюхо-то есть, да **ничего** есть* [8, т. 1, с. 46] и др.

То, что пословицы и поговорки с такими местоимениями, подобно изречениям с местоимениями *никто*, *ничто*, *никакой*, отсылают к мысли о пустом множестве, обнаруживаемом там, где желательно или даже необходимо его заполнение, подтверждается и существованием зафиксированных В. И. Далем вариантов одной и той же паремии с разными местоимениями (*И рад бы женился, да **некого** взять – И рад бы женился, да **никто** **нейдет*** [8, т. 1, с. 283]) или аналогичным варьированием, выявленным в художественной речи, ср. включенную в сборник пословиц

В. И. Даля паремию *Журить, бранить есть кому, а жаловать некому* и ее контекстный вариант: *Только не смейся надо мной, а ты мне всех родней стал... Ты меня жалеешь... Журить-бранить есть кому, а пожалеть никто не пожалует...* (Ф. Д. Крюков. Казачка, 1896). В этих единицах контраст ожидаемого и не соответствующего ему реального проявляется за счет противительных союзов *да, а*, связывающих предикативные части сложных предложений; противопоставления ирреального и реального (*рад бы женился – нейдет*); использования контекстуальной антонимии (*журить-бранить – жаловать, пожалеть*); наконец, главное: антитеза наличия – отсутствия, создаваемая именно за счет отрицательных местоимений.

Кажется рациональным подчинить ход подобного исследования лексическому основанию, то есть рассмотреть каждое местоимение отдельно, предваряя характеристику его паремийного функционала собственно лексикографической справкой. Однако скромные рамки статьи не дают возможности подобного описания, поэтому, имея в виду его необходимость и возможность обращения к таким аналитическим этюдам в пределах других частных штудий, ограничимся здесь обращением всего к одному местоимению – *никто*.

Местоимение *никто* в составе русских пословиц и поговорок

Несмотря на то, что местоимение *никто* занимает лишь второе, а не первое место по частоте обнаружения в составе паремий, кажется логичным начать анализ именно с него, ибо человек – существо социальное и эволюционирующее именно как член общества. В современной философии известны два видения сути социального: 1) узкое – как «совокупности связей и отношений в обществе» и 2) широкое – как «всех явлений, свойств и отношений, присущих общественной форме движения, включая социальные моменты организации отдельных человеческих индивидов» [13, с. 101]. В настоящей статье социальное понимается именно во втором смысле.

«Новейший большой толковый словарь русского языка» наряду с значением ‘ни один (человек), ни одно (существо)’ [10, с. 651] отмечает и иную семантику, снабжаемую пометой *Разг.* ‘Ничтожный человек, не имеющий никаких достоинств; ничтожество’ и ‘О человеке постороннем, абсолютно чуждом кому-л.’ (там же). В паремийном материале у местоимения обнаруживается только основное значение, причем под *никем* подразумевается именно ‘ни один (человек)’, никакое иное существо в виду не имеется.

Представляется важным учесть смысловую организацию предложений, определяя те роли, которые отводятся денотатам рассматриваемого отрицательного местоимения в кругу паремий, – роли семантического субъекта и семантического объекта. Однако стоит сделать оговорку: независимо от того, является ли местоимение *никто* маркером семантического субъекта или семантического объекта, в паремиях с его участием просматриваются две разновидности положения индивида по отношению к другим лицам: 1) ни один индивид не является исключением из общего правила, то есть условия превращения пустого множества в непустое отсутствуют в принципе; 2) антипод пустого множества находится в оппозиции к индивиду.

В структуре предложения *никто* в 75 паремиях занимает позицию семантического субъекта, а в 40 – оказывается маркирующим семантический объект.

В силу того, что пословицы и поговорки как разновидности вторичных языковых знаков маркируют типовые ситуации или отношения между вещами, они в большей мере реализуются в предложениях с событийной пропозицией и в намного меньшей – с логической пропозицией. В использовании данных понятий автор ориентируется на их разграничение Т. В. Шмелевой: «С-пропозиции “портретируют” действительность – происходящие в них события с их участниками. Л-пропозиции представляют результаты умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях» [23, с. 10].

44 % паремий с местоимением *никто* в позиции семантического субъекта (33 изречения из 75) отвечают первой из двух групп паремий с семантическим субъектом *никто*: ни один человек не является исключением из общего правила. В каждой из этих пословиц и поговорок проводится мысль о том, что в описываемой ситуации или отношении индивид лишен определенной возможности потому, что ее нет вообще ни для кого, ср.: **Никто** не увидит, как душа выйдет [8, т. 1, с. 223]; **Никому** не мило, когда дело хило / гнило [8, т. 1, с. 364]; В своей земле **никто** пророком не бывает / не бывал [8, т. 1, с. 257]; **Никто**, как Бог да государь [8, т. 1, с. 189] и др.

28 из 33 паремий реализуют событийную пропозицию.

На первом месте по количеству в этой группе оказываются паремии, в которых *никто* в форме именительного падежа маркирует активный субъект – субъект действия (их 14). Смыслы этих изречений связаны в основном с общими закономерностями человеческого бытия. Они учат философскому отношению к жизненным трудностям и невзгодам, указывая, что людей, не имеющих проблем, не бывает: **Никто** беды не перебудет: одна сбудет – десять будет [8, т. 1, с. 119]. Даже если кажется, что в настоящее время все в порядке, это не означает, что благоденствие вечно: От тюрьмы да от сумы (От сумы да от тюрьмы) **никто** не отрекайся! [8, т. 1, с. 72]. Но даже такая – сложная, ненадежная, зыбкая – жизнь имеет свои преимущества, она лучше смерти: Крепка могила, да **никто** в нее не хочет [8, т. 2, с. 171]. Просто надо помнить, что жизнь человека в руках Всевышнего (Чего бог не даст, того **никто** не возьмет [8, т. 1, с. 24]) или судьбы (**Никто** от своего року не уйдет [8, т. 1, с. 40]). Повседневность показывает, что тем или иным образом обиходные ситуации получают свое разрешение, ежедневные заботы приводят к удовлетворительному результату, поэтому не следует проявлять излишнего беспокойства по мелочам: **Никто** обеда с собой не носит (а наедается) [8, т. 2, с. 259], Без хлеба, без соли **никто** не обедает [8, т. 2, с. 255], **Никто** с собою ночлега не возит [8, т. 2, с. 238]. Конечно, это не означает, что паремии предлагают предпочесть действиям бездействие. Активность адресата паремии приветствуется, поскольку без нее ему не прожить: желающих заполучить легкую добычу хватает (На пусто **никто** не пришлет, а с пуста всяк волочет [8, т. 1, с. 127]), как хватает и желающих заставить других работать на себя. Этот тезис подтверждает пословица, зафиксированная В. И. Далем в двух вариантах: Всяк хочет к скопцу, а **никто** к весельцу (скоп – запас) / Всяк к скопцу, а **никто** к веслу [8, т. 2, с. 13]. Комментарий «скоп – запас» принадлежит В. И. Далю, но внутренней формы изречений он не проясняет. Если *скопец* – тот, кто создал некий *скоп* ‘запас’, то ему должен быть противопоставлен некий *веселец* ‘мот, транжира, гуляка, человек, жаждущий веселья’. Однако, во-первых, слова *веселец* в исторических и диалектных словарях обнаружить не удалось, зато в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» имеется слово *весельцо*, выступающее как диминутив к существительному *весло* [4, вып. 2, с. 113]. Не случайно во втором варианте вместо этого слова лексикограф зафиксировал именно слово *весло*. Противопоставление весла скопцу очевидной логики не имеет. Разгадку дает предположение, что В. И. Даль ошибся, написав слово *скопец*, в то время как гораздо вероятнее было бы сопоставить с веслом копец – руль судна. Данное слово есть и в словаре В. И. Даля, ср.: «КОПЕЦЪ м. арх. Руль, кормило, стерно, правило. Кто копцом править? Садись въ копецъ, на копецъ» [9, т. 2, с. 158]. Такая реконструкция позволяет выявить смысл пословицы: никто не хочет выполнять тяжелую физическую работу, зато каждый хочет руководить, управлять другими.

Возвращаясь к анализу паремийного материала, отметим, что пословица, будучи формально констатирующей, тем не менее советует субъекту действия самому проявлять рациональную заботу о себе, о чем свидетельствует пояснение лексико-

графа: *Чужую похоронку никто не найдет* (т. е. сам ищи – комментарий В. И. Даля – Л. С.) [8, т. 2, с. 73].

Три паремии этой группы сосредоточивают внимание на речедействии. При чем все они призывают субъекта к объективной оценке своего поведения, то есть фактически характеризуют действие как результат восприятия. Одна подчеркивает, что любому индивиду свойственно не замечать своих недостатков: *Никто про себя худа не скажет* [8, т. 2, с. 160]. Вторая косвенно предостерегает от любых действий, которые осуждаются социумом, указывая на то, что есть общие для всех законы, и оправдываться неведением нельзя: *Незнанием закона никто не отговаривайся!* [8, т. 1, с. 192]. Третья провозглашает несомненное превосходство общественного мнения над личным: *Мир никем не судится, одним Богом* [8, т. 1, с. 315]. В качестве комментария стоит процитировать высказывание Т. В. Шмелевой, отмечающей, что одно и то же речедействие может оказаться значимым в разных сферах – социальной, ментальной, физической, психической: «В предикатах, описывающих речевые действия, тот или иной аспект может выходить на первый план, вытесняя из внимания, но не ликвидируя другие» [23, с. 17]. В паремиологическом пространстве это становится особенно заметным, так как оценка (включая и самооценку) в обиходных ситуациях, как правило, субъективна, а следовательно, не может быть свободна от эмоций, хотя должна быть подчинена рациональному началу и опираться на учет мнения социума.

Вторая по численности подгруппа изречений в данной группе – восемь паремий, осмысляющих восприятие индивидом себя и окружающего мира. Здесь в центре внимания субъект чувствующий, мыслящий и оценивающий. Почти все единицы подгруппы нацеливают индивида на осознание себя как существа несамостоятельного, зависимого от высших сил. Эта зависимость проявляется уже в том, что ни один человек не знает своего будущего в земном существовании, ср.: *Никто живой предела своего не изведет* [8, т. 1, с. 222], *Никто не увидит, как душа выйдет* [8, т. 1, с. 223]. Тем более неизвестно ему, когда наступит время отвечать за свои поступки перед Господом: *Никому неведом час Страшного суда* [8, т. 1, с. 222]. Более того, наблюдая за другими со стороны, люди не могут проникнуть в их внутренний мир, не способны познать ни их истинных побуждений, ни их состояния, ср.: *Никто же весть от человек, яже в человеце* [8, т. 1, с. 239], *Каково кому на дому – неведомо никому* [8, т. 2, с. 97]. Кроме того, чем больше у индивида жизненного опыта (особенно опыта негативного), тем меньше у него склонности воспринимать информацию, транслируемую собеседниками, как правдивую: *Ныне и правде-то никто не верит* [8, т. 1, с. 1546]. Любопытно в этой подгруппе одно изречение, которое, на первый взгляд, выбивается из общего ряда, если воспринимать его как поговорку: *Имя свое всяк знает, а в лицо себя никто не помнит* [8, т. 1, с. 242]. Именно как обобщающая фраза, лишенная переносного смысла, оно, вероятно, и возникло: простые люди в древности не имели в своем распоряжении зеркал и вряд ли могли составить точное представление о своей внешности. Однако, зная, насколько мало народное сознание придавало внимания внешности человека по сравнению с внутренними качествами (такой ценности, как красота, в сборнике В. И. Даля посвящено лишь немногим более одного процента всех пословиц и поговорок, см. данные в таблице 4 «Представление о ценностях в русских паремиях» в [18, с. 138–139]), резоннее предположить возможность оперирования паремией в метафорическом смысле: ‘никто не способен увидеть себя со стороны, а значит, и адекватно оценить совершенные поступки’. Справедливости ради надо признать, что доказательства бытования данного изречения ни в первом, ни во втором значении у автора исследования нет, во всяком случае обращение к авторитетным сборникам паремий не выявляет

интерпретирующих комментариев, «Национальный корпус русского языка» его использования не фиксирует.

Конечно, факт, что местоимение *никто* маркирует субъект восприятия, сочетаясь с соответствующим глаголом в роли предиката, не гарантирует того, что сама поговорка также обязательно фокусируется на оценке восприятия. Скажем, в отличие от только что рассмотренной поговорки с двумя глаголами восприятия (*знать, помнить*), изречение **Никто беса не видит, а всяк его ругает** [8, т. 1, с. 30] создано для описания речевого поведения индивида. В нем можно увидеть иронию по отношению к людям, привычно ищущим оправдания своим неблагоприятным действиям или неумению рационально решить какую-то задачу, справиться с ситуацией, добиться результата и т. д. – не в себе самих, а вовне. Удобнее же всего в таких случаях сослаться на козни беса как представителя нечистой силы.

Близки к только что описанной подгруппе поговорок четыре изречения из подгруппы характеризующих субъект состояния. Это состояние психическое, но обусловлено оно каждый раз – непосредственно или опосредованно – взаимодействием с социумом. Два из них сообщают о состоянии, в которое приводит людей контакт с эгоистом, хотя рассматривают ситуацию с разных сторон. Поговорка **Самолуб никому не люб** [8, т. 2, с. 104] прямо предупреждает, что ни одному индивиду не симпатичен тот, кто любит только себя. Второе изречение – **Сам на себя никто не радуется** [8, т. 2, с. 230] – намекает на невозможность жить только для себя. К такому заключению приводит наличие второго варианта той же поговорки, в которой налицо уже другой, бытийный предикат, а указание на эмоцию перемещается в круг сирконстантов: **Сам себе на радость никто не живет** [8, т. 2, с. 230].

Двойную интерпретацию допускает поговорка **Никому не мило, когда дело хило (гнило)** [8, т. 1, с. 364]. Здесь *никто* может указывать как на любого отдельно взятого индивида, которому что-то не удастся, так и на общество в целом, недовольное развитием событий, складывающейся ситуацией либо достигнутым результатом. В любом случае исключений для субъектов состояния здесь нет.

Было бы неверным категоричное утверждение, что поговорки всегда безапелляционно заявляют об отсутствии исключений в кругу субъектов, маркируемых местоимением *никто*. Скорее, это характерно для тех единиц, которые затрагивают аспекты общечеловеческого бытия. Если же внимание сосредоточивается на социальной сфере, в высказывании можно обнаружить некое эхо ограничения путового множества. Так, поговорка **В своей сермяжке никому не тяжело** [8, т. 2, с. 96] косвенно отсылает к жизни не всех вообще, а всех простых людей, поскольку *сермягу* – «кафтан грубого, некрашеного крестьянского сукна» [9, т. 4, с. 178] не носили состоятельные люди. Смысл же поговорки прозрачен: любой, кто способен самостоятельно обеспечить себе существование, пусть и небогатое (*сермяжка своя*), не испытывает душевного дискомфорта, поскольку осознает себя независимым.

Подобное эхо можно уловить и в поговорках **На Руси никто с голоду не помирал / не умирал / не умирывал** [8, т. 1, с. 68] и **Никто с поста не умирает** [8, т. 2, с. 251]. Частичное совпадение их лексического состава, конечно, не позволяет считать эти изречения вариантами одной и той же поговорки. Семантика их нетождественна, хотя обе относятся к описанию изменения состояния (от живого к мертвому).

Первая способна выражать по крайней мере три разных, хотя и перекликающихся смысла, о которых можно судить по наличию близкочуждых изречений (правда, без местоимения *никто*): 1) **Досыта не наедаемся, а с голоду не умираем** [8, т. 1, с. 76] – простые люди квалифицируют свое существование как сносное, терпимое; 2) **Досыта не накормим, а с голоду не уморим** [8, т. 1, с. 76] – некое сообщество (хозяева, принимающие странника, люди, готовые приютить нуждающегося на

долгий срок, семья, нанимающая работника и т. п.) обещает обеспечить тому минимальный комфорт; 3) *На ниве потей, в клети молись, с голоду не помрешь* [8, т. 2, с. 12] – поддержать терпимый уровень жизни можно всегда, если не лениться и быть честным христианином. Как можно видеть, *никто не умирал* означает ‘никто из нуждающихся не умирал’, поскольку всегда из сложных ситуаций можно найти выход либо самому либо благодаря поддержке других.

Вторая пословица ограничивает круг субъектов состояния верующими, православными. Судя по всему, она адресуется тем, кто сетует на трудность соблюдения постов и их вред для здоровья. В. И. Даль приводит и другую, синонимичную фразу: *С поста не мрут, а с обжорства мрут* [8, т. 2, с. 251]. В ней обобщение выражено не местоимением, а самой структурой односоставного (неопределенно-личного со значением обобщения) предложения с предикатами в третьем лице множественного числа.

Наряду с предложениями, опирающимися на событийные пропозиции, в рассмотренной подгруппе есть пять единиц, реализующих пропозиции логические. Все они сосредоточивают внимание на качественной характеристике людей. Две из них касаются невозможности исполнения кем бы то ни было называемой в паремии функции: ***В своей земле никто пророком не бывает*** [8, т. 1, с. 257] (невозможность пророчества, вероятно, мотивируется тем, что, по мнению людей, пророк – это «озаренный Богом провозвестник» [9, т. 3, с. 505], следовательно, это личность необыкновенная, а человек, живущий рядом с остальными привычной жизнью, *в своей земле* в разряд необыкновенных не вписывается); ***Никто сам в своем деле судью быть не может*** [8, т. 1, с. 131] (человек по своей сути субъективен, а значит, не способен реально оценить ситуацию). Третья паремия, по существу, указывает не на само по себе пустое множество, а лишь на его желательность, то есть на то, чтобы не возникало потребности в реализации социально востребованной, но противостественной в нравственном аспекте функции: ***Не дай бог никому в палачах быть, а нельзя и без него*** [8, т. 1, с. 364]. Фактически исполнение роли палача, с христианской позиции, противоречит общему постулату той же религии, поскольку только Бог вправе наделять человека жизнью или отнимать ее.

Две последних паремии в рамках первой группы изречений с семантическим субъектом *никто* восходят к отношению подобия. Обе они подчеркивают невозможность сопоставления Бога и человека и на этом основании включаются здесь в упомянутую группу. Однако обе занимают в ней периферийное положение. Первая паремия – *Всяк по-своему, да никто по-божьему* – равным образом может быть отнесена к изречениям как с логической, так и с событийной пропозицией, поскольку рассуждает не только о качествах людей, а и об их деятельности: неполнота предложения позволяет восполнить лакуны глаголами типа *понимает, воспринимает, рассуждает, делает, действует* и др., что отсылает к разнообразным ситуациям. Вторая паремия – ***Никто как Бог*** (хотя в таком виде В. И. Даль изречение не фиксирует, но в Основном корпусе «Национального корпуса русского языка» зафиксировано 93 употребления именно такого варианта [15]) – как будто отчетливо отделяет людское от божественного, подчеркивая невозможность исключений из правила. Однако в сборнике пословиц В. И. Даля отмечаются иные варианты: ***Никто против бога да против царя; Никто, как бог да государь*** [8, т. 1, с. 189]. Таким образом, монарх, один из людей, оказывается не включенным в антипод пустого множества. Возникает противоречие: никто из смертных не сопоставим с Богом, однако государь как помазанник Божий также не сопоставим с остальными людьми.

Паремии, входящие во вторую группу с семантическим субъектом *никто*, указывают, что *никто* – это маркер пустого множества, антипод которого в каком-то отношении противопоставлен индивиду, стоящему в центре паремийной ситуации.

Количество таких паремий 42. При этом все они опираются на событийные пропозиции.

В девяти паремиях семантический субъект *никто* сочетается с глагольным предикатом восприятия: *видеть / видать* (3), *слушать / слышать* (2), *знать / ведать* (3), *поверить* (1), а еще в двух – с неглагольным, *обидно / в обиде* (2), используемым с частицей *не*. В этих паремиях звучит мотив отделенности человека от прочего мира. Причем изредка такая отделенность ему выгодна: *Бог напирал, никто не видал* (прибавка: *а кто и видел, тот не обидел*) [8, т. 1, с. 23], *Молчок: разбил батя горшок; а мать хоть два, да никто не зна* [8, т. 1, с. 292]. Иногда индивид прибегает к ней добровольно, скорее всего, стремясь сохранить достоинство: *Все видят, как веселюсь, а никто не видит, как плачу* [8, т. 1, с. 116]; но чаще – он от нее страдает: *Жаловался всем, да никто не слушает* [8, т. 1, с. 435] (здесь восприятие совмещается с действием); *Не божись, и без божбы никто не поверит* [8, т. 2, с. 132].

В 26 единицах семантический субъект *никто* сочетается с предикатом с семантикой действия. В подавляющем большинстве предикат выражен глаголом с отрицанием, транслирующим общее отрицание (*На живого человека никто не угодит* [8, т. 2, с. 295]). В этом случае местоимение выступает как средство обобщения и усиления негации. В двух единицах отрицание при глаголе отсутствует (*Упрямый умрет – никто его уймет* [8, т. 1, с. 161]), тогда функцию общего отрицания выполняет именно местоимение *никто*. Встречаются и предложения неполной структуры: *По горбу-то всяк, а под губу (или: по сердцу) никто* [8, т. 1, с. 178]).

Наиболее обычны среди типовых ситуаций в этом кругу паремий такие, которые можно было бы назвать регулирующими, то есть ситуации, которые должны изменить положение индивида, находящегося в фокусе внимания паремии, к лучшему, однако пустота множества возможных субъектов действия такому улучшению препятствует, ср.: *Идти было в гости, да никто не зовет* [8, т. 2, с. 272]. Конечно, незаполненность множества имеет свою причину, которая в ряде случаев эксплицируется, ср.: *Хмель в компанию принимает, а непьющего никто не знает* [8, т. 2, с. 244] (того, кто чурается компании, не уважают); *Худая слава пройдет – никто замуж не возьмет* [8, т. 2, с. 160] (информация о безнравственном поведении девушки лишает ее шанса стать женой).

Порой урегулированию препятствует само качество субъекта, погруженного в ситуацию. К примеру, сердитый или упрямый не изменят своего характера до самого конца жизни: *Сердитый умрет – никто его не уймет* [8, т. 1, с. 97]; *Упрямый умрет – никто его уймет* [8, т. 1, с. 161].

В любом случае при противопоставлении индивида и остального сообщества, не способного либо не желающего ему помочь, единственной действенной силой выступает Бог, распоряжающийся земной жизнью каждого: *Никто не может, так Бог поможет* [8, т. 1, с. 23]; *Бог накажет, никто не укажет* [8, т. 1, с. 25]; *Утром Бог и вечером Бог, а в полдень да в полночь никто же, кроме Его* [8, т. 1, с. 26].

Правда, обнаруживается и паремия, которая подсказывает индивиду, что ему не всегда надо искать помощи со стороны, в некоторых случаях следует либо изменить собственное поведение (*Кабы на дятла да не свой носок, никто бы не нашел* [8, т. 1, с. 181]), либо воспользоваться нужными средствами, ср.: *Кабы не клин да не мох, так никто бы плотнику не помог* [8, т. 2, с. 26].

Есть в данной подгруппе изречений и такие, которые указывают на нереальность пустого множества: *Никто не бывал, а у девки увя (т. е. дитя – комментарий В. И. Даля)* [8, т. 1, с. 142]; *Никто не курил, не кадил, а ладаном запахло* [8, т. 1, с. 153].

В меньшей части паремий местоимение *никто*, как уже говорилось, маркирует пустое множество как семантический объект (таких единиц немногим более трети общего количества с местоимением *никто*). Здесь распределение объемов частных групп еще более неравномерно. Группа, которая указывает, что ни один человек не является исключением в описываемых ситуациях, состоит всего из шести паремий, в то время как пословиц и поговорок, противопоставляющих одного человека всем остальным, – 35.

В основном паремии первой группы формулируют некие общие закономерности или правила, ср.: *Красное лето никому не надокучило* [8, т. 2, с. 332]; *Нам добро, никому (не) зло – то законное житье* [8, т. 1, с. 93]; *Без суда никто да не накажется* [8, т. 1, с. 130].

Во второй группе рассматриваются отношения одного индивида с остальными, при этом 24 изречения носят характер констатации факта (ср.: *Кто зла отлучится, тот никого не боится* [8, т. 1, с. 92]; *Тошно тому, кто любит кого; а тошнее того, кто не любит никого* [8, т. 2, с. 204] и всего 11 носят рекомендательный характер: *За болячку никого не хватай!* [8, т. 1, с. 117]; *Плачь, молода жена, да про свое горе никому не сказывай* [8, т. 1, с. 290]. Стоит отметить, что потенциальная дидактичность пословиц и поговорок в ряде случаев позволяет сосуществовать изречениям, которые, не различаясь (или мало различаясь) лексически и транслируя фактически одну и ту же семантику, все же должны быть признаны самостоятельными единицами, а не вариантами одной паремии, поскольку обладают разной прагматикой, воплощенной в нетождественных грамматических структурах, ср.: *Никому не верь, только счету верь!* [8, т. 2, с. 32] – рекомендация и *Никому не верит, а сам мерит* [8, т. 2, с. 76] – констатация факта; аналогичные отношения проявляются в паремиях *Никого не бойся, только бога бойся!* *Никого не боюсь: только бога боюсь* [8, т. 1, с. 210].

Значительная часть этих изречений соединяет местоимение *никто* в формах винительного или дательного падежа с предикатом, который связан с эмоциональной или нравственной сферой взаимоотношений людей. Предикат может быть выражен глаголом: *бояться* (7), *обидеть* (2), *удивить*, *досадить*, *любить*; именем с отрицанием: *не злодей*, *не враг*, *не мил*, *не пригодлив*, ср.: *Хоть надорвись, так никого не удивишь* [8, т. 1, с. 101]; *Люблю того, кто не обидит никого* [8, т. 1, с. 93]; *Всем угодлив, так никому не пригодлив* [8, т. 2, с. 136]. Второй пласт включает в себе информацию о волеизъявлении, указывая на демонстрацию стремления индивида к самостоятельности, независимости, неподчиненности, ср.: *Рассердился – никого не спросился* [8, т. 1, с. 97]; *Живем, не тужим, никому не служим* [8, т. 2, с. 278] и т. п. Есть и иные паремии, сообщающие о разнообразных действиях, позволяющих находить оптимальные варианты взаимоотношений с окружающими, ни одного из которых изречения с местоимением *никто* в роли семантического объекта не считают равнозначным индивиду, который должен руководствоваться паремийной мудростью в своих интересах: *Всем подноси, никого не обноси; доброму для добра, худому для худа* [8, т. 2, с. 236], *Слава тебе, господи: и сыт, и пьян, и никому не должен* [8, т. 2, с. 39] и др.

Заключение

Исследование русских пословиц и поговорок, включающих в состав отрицательные местоимения, позволяет осмыслить потенциал прономинальной негации в аспекте формирования обобщающей семантики.

Первые шаги, предпринятые в выполненном исследовании, позволили увидеть, что в образовании русских пословиц и поговорок достаточно активно участвуют местоимения-существительные. При этом в совокупности количественно лидируют местоимения с семантикой неодоушевленности (*ничто* и *ничего*), однако

местоимение *никто* почти так же интенсивно включается в паремии, как и местоимение *ничто*. Что касается отрицательных местоимений атрибутивной семантики, они не востребованы паремиями (*никакой* обнаружено всего в пяти единицах, *ничей* выявлено не было). Это позволяет заключить, что для паремиологического пространства важными объектами оказываются пустые множества, связанные с маркировкой отсутствия неких важных для существования людей предметов или совокупностей лиц, с которыми мог бы или должен был бы взаимодействовать индивид, руководствующийся сводом паремий.

Рассмотрение той части паремийного материала, в которой обнаруживается местоимение *никто*, убеждает, что оно используется только для передачи значения 'ни один человек'. При этом в 65,2 % изречений оно выступает в роли семантического субъекта и в 34,8 % – в роли семантического объекта. Независимо от характера семантико-синтаксической роли, местоимение *никто* может подчеркнуть как единство индивида со всеми остальными людьми, объединяя его с ними по неспособности к чему-либо или по недостижимости чего-либо (33,9 % единиц), так и отделенность индивида от всех остальных людей или от остальных членов какой-то группы (66,1 % единиц), подчеркивая, что ни один из прогнозируемого возможного множества не соответствует интересам, потребностям, целям деятельности и т. п. упомянутого индивида.

В соответствии с тем, что большая часть пословиц и поговорок как специфической части языковых знаков сосредоточивает внимание на типовых ситуациях и выработке у адресата паремий способности находить верный стиль поведения в них или хотя бы их оценки, в выборке единиц с местоимением *никто* преобладают такие, в которых местоимение в связке с предикатом опирается на событийную пропозицию. Общие рекомендации, которые выявляются в паремиях с местоимением *никто*, можно лаконично изложить в следующих обобщениях: существование любого человека определяется высшими силами, поэтому надо уметь смириться со своим уделом; проживать свою жизнь надо по правилам, общим для всех; важно стремиться к объективности и самокритичности, не быть эгоистичным; неподвластность человеку его собственного бытия не означает, что он должен быть пассивным; всегда есть возможность обеспечить себе терпимое существование; в пределах человеческого сообщества индивид должен сам обустроить свои взаимоотношения с остальными членами социума или малой социальной группы: пословицы с местоимением *никто* в роли семантического объекта обращают внимание на ситуации, требующие урегулирования и преобладающее значение придают анализу эмоционального, нравственного и волевого аспектов поведения в них.

Перспективы исследования

Дальнейшие шаги выявления потенциала местоименной негации в русских паремиях могут быть направлены на решение следующих вопросов: 1) совпадают ли предметные сферы пустых множеств, маркируемых местоимениями *ничто* и *ничего* и каково разнообразие этих сфер (чего *нет*, *не хватает* человеку или чего в его жизни *не должно быть?*), 2) почему при почти одинаковой активности местоимений *ничто* (129 единиц) и *ничего* (105 единиц) пословицы и поговорки значительно реже используют местоимение *некого* (23 единицы), 3) каковы семантико-синтаксические роли отрицательных местоимений с семантикой неодушевленности и как это влияет на общую семантику паремий, включающих их в состав потенциально дидактичных изречений.

Список источников и литературы

1. *Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н.* Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 85, № 6-2. С. 169–180.
2. *Арутюнова Н. Д.* Коммуникативная реакция на истинностное значение высказывания *Другого* // Логический анализ языка. Ассерция и негация / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. Москва: Индрик, 2009. С. 5–10.
3. *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Аспекты теории фразеологии. Москва: Знак, 2008. 656 с.
4. *Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 : (В–ВОЛОГА).* Москва: Наука, 1975. 320 с.
5. *Бочина Т. Г.* Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Бочина Татьяна Геннадьевна. Казань, 2003. 449 с.
6. *Буслаев Ф. И.* Русский быт и пословицы // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. Русская народная поэзия. Санкт-Петербург: Д. Е. Кожанчиков, 1861. С. 78–136.
7. *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). Москва: Высшая школа, 1972. 614 с.
8. *Даль В. И.* Пословицы русского народа: в 2 т. Москва: Художественная литература, 1984.
9. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Москва: ГИС, 1955.
10. *Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов.* Санкт-Петербург: Норинт, 2008. 1536 с.
11. *Лазуткина Е. М.* Объект; Субъект // Русский язык : энциклопедия. Москва: Словари XXI в., 2020. С. ?–?.
12. *Лекант П. А.* Безлично-инфинитивные предложения в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 18–25.
13. *Мамзин А. С.* Взаимосвязь биологического и социального в природе человека // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 2, № 1. С. 97–103.
14. *Мокиенко В. М.* Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6–20.
15. Национальный корпус русского языка : электронный онлайн-корпус русскоязычных текстов. URL: <http://www.ruscorgo.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 05.09.2023).
16. *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // Теоретическая поэтика. Москва: Высшая школа, 1990. С. 98–111.
17. *Савенкова Л. Б.* Поговорка // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / Сибирский федеральный университет; под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2014. С. 444–445. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24549083> (дата обращения: 05.09.2023).
18. *Савенкова Л. Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2002. 240 с.
19. *Селиверстова Е. И.* Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. Санкт-Петербург: Мирс, 2009. 270 с.
20. *Словарь русских народных говоров.* Москва; Ленинград: Наука, 1965– .
21. *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи. Москва: Русская книга, 1995. 527 с.
22. *Червоный А. М.* Семантический субъект в обобщающих высказываниях русского и французского языков // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака : сборник статей по итогам IV междунар. конф., Москва, 13–15 марта 2019. Москва: Спутник+, 2019. Т. 4. С. 432–440.
23. *Шведова Н. Ю.* Парадигматика простого предложения в современном русском языке // Русский язык. Избранные работы. Москва: Языки славянской культуры, 2005. С. 55–115.

24. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис : текст лекций. Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1994. 47 с.

References

1. Alefirenko, NF & Semenenko, NN 2010, 'Znachenije i smysl russkikh paremij v svete kognitivnoy pragmatiki' (Meaning and sense of Russian parables in the aspect of cognitive pragmatics), *Izvestiya Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, vol. 85, no. 6–2, pp. 169–180. (In Russ.)
2. Arutyunova, ND 2009, 'Kommunikativnaya reaktsiya na istinnostnoye znachenije vyskazyvaniya Drugogo' (Communicative reaction to the truth value of words of the Other), *Logicheskiy analiz yazyka. Assertsiya i negatsiya* (A logical analysis of language. Assertion and negation), Indrik publ, Moscow, pp. 5–10. (In Russ.)
3. Baranov, AN & Dobrovolskiy, DO 2008, *Aspekty teorii frazeologii* (Aspects of the phraseology theory), Znak publ, Moscow. (In Russ.)
4. Barkhudarov, SG (ed.) 1975, *Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* (Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries), no. 2, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
5. Bochina, TG 2003, *Kontrast kak lingvokognitivnyy printsip russkoy poslovitsy* (Contrast as a linguocognitive principle of the Russian saying), doctoral thesis, Kazan Federal University, Kazan. (In Russ.)
6. Buslayev, FI 1861, 'Russkiy byt i poslovitsy' (Russian everyday life and proverbs), *Istoricheskiye ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva. Russkaya narodnaya poeziya*, vol. 1, D.E. Kozhanchikov publ, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Vinogradov, VV 1972, *Russkiy yazyk (grammaticheskoye ucheniye o slove)* (Russian language (grammatical teaching about the word)), Vysshaya shkola publ, Moscow. (In Russ.)
8. Dal, VI 1984, *Poslovitsy russkogo naroda* (Proverbs of the Russian people), vol. 1–2. Khudozhestvennaya literatura publ, Moscow. (In Russ.)
9. Dal, VI 1955, *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka* (Explanatory dictionary of the living Great Russian language), vol. 1–4, GIS publ, Moscow. (In Russ.)
10. Kuznetsov, SA (ed.) 2008, *Noveyshiy bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* (The newest large explanatory dictionary of the Russian language) Norint publ, St. Petersburg. (In Russ.)
11. Lazutkina, YeM 2020, *Obyekt; Subyekt, Russkiy yazyk. Entsiklopediya* (Russian language. Encyclopedia), AST-PRESS SHKOLA publ, Moscow, pp. 411–412; 752–754. (In Russ.)
12. Lekant, PA 2017, 'Bezlichno-infinitivnyye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke' (Impersonal-infinitive sentences in modern Russian), *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, no. 4, pp. 18–25. (In Russ.)
13. Mamzin, AS 2012, *Vzaimosvyaz biologicheskogo i sotsialnogo v prirode cheloveka* (Interdependence of biological and social in the human nature) // *Pushkin Leningrad State University Journal*, vol. 2, no. 1, pp. 97–103. (In Russ.)
14. Mokiyeenko, VM 2010, 'Sovremennaya paremiologiya (lingvisticheskiye aspekty)' (Modern paremiology (linguistic aspects)), *The World of Russian Word*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.)
15. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* (The Russian National Corpus), viewed 05.09.2023, <http://www.ruscorpora.ru/new/search-paper.html>. (In Russ.)
16. Potebnya, AA 1990, *Teoreticheskaya poetika* (Theoretical Poetics), Vysshaya shkola publ, Moscow. (In Russ.)
17. Savenkova, LB 2014, 'Pogovorka' (Saying), *Effektivnoye rechevoye obshcheniye (bazovyye kompetentsii). Slovar-spravochnik* (Effective Speech Communication (Basic Competencies). Glossary), Sibirskiy federalnyy universitet publ, Krasnoyarsk, viewed 10 July 2023, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24549083> (In Russ.)
18. Savenkova, LB 2002, *Russkaya paremiologiya: semanticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* (Russian Paremiology: semantic and linguoculturological aspects), Rostovskiy universitet publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
19. Seliverstova, YeI 2009, *Prostranstvo russkoy poslovitsy: postoyanstvo i izmenchivost* (The space of the Russian proverb: constancy and variability), Mirs publ, St. Petersburg. (In Russ.)

20. *Slovar russkikh narodnykh govorov* (The Dictionary of Russian national dialects) 1965, Nauka publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
21. 21. Snegirev, IM 1995, *Russkiye narodnyye posloviцы i pritchi* (Russian national proverbs and parables), Russkaya kniga publ, Moscow. (In Russ.)
22. Chervonyy, AM 2019, 'Семантический субъект в обобщающих высказываниях русского и французского языков' (Semantic subject in the generalized utterance in Russian and French), *Yazyk i deystvitelnost. Nauchnyye chteniya na kafedre romanskikh yazykov im. V.G. Gaka*, vol. 4, 13-15 March, Moscow, OOO Sputnik+ publ, Moscow, pp. 432–440. (In Russ.)
23. Shvedova, NYu 2005, *Russkiy yazyk. Izbrannyye raboty* (Russian language. Selected works), Yazyki slavyanskoy kultury publ, Moscow, pp. 55–115. (In Russ.)
24. Shmelyova, TV 1994, *Semanticheskiy sintaksis. Tekst lektsiy* (Semantic syntax. Text of lectures), Krasnoyarskiy gosudarstvennyy universitet publ, Krasnoyarsk. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 05.09.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 05.09.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023